

Е. Н. ГРУЗДЕВА

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ЭЛИАШ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Надежда Михайловна Элиаш родилась в Санкт-Петербурге 13 апреля 1888 г. (ст. ст.). В многодетной семье Элиаш было пятеро дочерей — погодки Надежда и Валентина и младшие Наталья, Вера и Александра. Глава семьи, Михаил Федорович, вышедший из мещанской среды, служил в Государственном контроле, с годами получил чин действительного статского советника и личное дворянство. Он всю жизнь оставался верен воспринятым в юности идеалам 1860-х гг., любил перечитывать сочинения Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова.¹ Его жена Александра Николаевна вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием дочерей.

Надежда была отдана в частную женскую гимназию В. Н. Хитрово, и очень скоро девочка почувствовала вкус к преподавательской работе (рис. 1). Ее первыми «учениками» были куклы (когда дома играли «в школу»), а в гимназии — легкомысленная соседка по парте и некоторые отстающие одноклассницы, которым на переменах Надя Элиаш объясняла задания. Любимым предметом у девочки всегда была литература. Дома этот интерес приветствовался родителями, а иногда устраивались литературные вечера, и отец с подъемом читал перед дочерьми свои любимые стихи Некрасова. Надежда на всю жизнь полюбила выразительное чтение.

¹ Архив Белгородского государственного университета (далее — Архив БелГУ). Личное дело преподавателя Н. М. Элиаш, л. 126, 152 (Личный листок по учету кадров (17.09.1953) и автобиография (12.05.1958)).

Рис. 1. Надежда Элиаш — гимназистка.
Фотография из семейного архива племянницы Н. М. Элиаш И. А. Черкас.

Окончив в 1905 г. гимназию с золотой медалью, Н. Элиаш поступила на словесно-историческое отделение Женского педагогического института. Институт в 1905—1906 гг. переживал очень сложный период: молодежь живо реагировала на текущие политические события. Более активные студентки летом и осенью 1905 г. посещали митинги в Технологическом институте и других учебных заведениях, приносили в свой институт свежие новости и агитировали сокурсниц принять участие в общей забастовке. Педагогички разделились на «правых» и «левых».

На внутриинститутской сходке «левые» слушательницы выработали ряд пожеланий, которые представили Конференции

института, в их числе: расширение прав автономии слушательниц в созыве собраний, более четкое определение отношений с Конференцией и администрацией института; устройство в институте общественной читальни; осуществление мероприятий, направленных на повышение политического образования девушек, — приобретение специальной литературы, введение в учебные планы курсов социальных наук и государственного права.² Другую позицию занимала группа, принципиально отвергавшая митинги как «несовершенную форму выражения сочувствия освободительному движению». Сторонницы того, чтобы «не только на словах, но и на деле» определить свою позицию, эти слушательницы вынесли на обсуждение Конференции вопрос об устройстве при Женском педагогическом институте воскресной школы для детей рабочих и работающих женщин.³

Администрация находилась в растерянности и не видела способа противостоять общественному движению. Вмешательство почетного попечителя великого князя Константина Константиновича тоже не помогло урегулировать ситуацию. Было решено временно закрыть институт.⁴ Занятия возобновились только в январе 1906 г.

В результате настойчивых обращений слушательниц весной 1906 г. было получено согласие администрации на организацию при институте общественной читальни и воскресной школы. Девушки энергично взялись за дело, и уже в том же году читальня начала работать. Вскоре была организована и воскресная школа для неграмотных и малограмотных. В ней учениками были подростки и молодежь, но приходили и женщины постарше. Надежда Элиаш активно включилась в работу воскресной школы и вскоре стала ее заведующей.⁵

Учебные занятия в институте шли успешно. Лекции профессоров С. Ф. Платонова,⁶ Ф. А. Витберга,⁷ И. А. Шляпкина,⁸

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.), ф. 918, оп. 1, д. 5547, л. 53—53 об. (Протокол заседания Конференции Женского педагогического института от 21.10.1905 г.).

³ Там же, л. 80 об.—81 (Протокол заседания Конференции Женского педагогического института от 05.11.1905 г.).

⁴ Там же, л. 69 об.

⁵ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 152 об. (Автобиография от 12.05.1958 г.).

⁶ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — известный историк, профессор университета и ряда других столичных учебных заведений, директор Женского педагогического института.

⁷ Витберг Федор Александрович (1846—1919) — специалист в области истории русского языка и словесности.

⁸ Шляпкин Илья Александрович (1858—1918) — специалист в области русской литературы и археологии, член-корреспондент Императорской Академии наук.

С. А. Адрианова,⁹ Н. М. Каринского¹⁰ были настолько интересны, что все чаще Надежда задумывалась о науке. Пробой сил стали курсовые работы. Так, на III курсе девушка подала И. А. Шляпкину сочинение об учебнике начала XVIII в. «Юности честное зеркало». Знаменитый филолог дал о работе положительный отзыв и отметил использование автором большого числа источников и литературных трудов. Под влиянием этого отзыва Н. Элиаш решила продолжить исследовательскую работу и заняться углубленным изучением литературы.¹¹ Ей, как и другим слушательницам, Илья Александрович Шляпкин с готовностью помогал, привозя книги из своей богатейшей библиотеки, давая рекомендации при подготовке к пробным урокам в гимназии. Надежду Элиаш привлекали темы из древней русской истории и литературы: она читала книги Фаминцына «Скоморохи на Руси»,¹² Терещенко «Быт русского народа»,¹³ статьи Виноградова о малороссийском вертепе,¹⁴ Ермолова «Народная сельскохозяйственная мудрость...»¹⁵, былины Кирши Данилова (рис. 2).

В начале 1910-х гг. материальное положение семьи Элиаш пошатнулось, и уже в студенческие годы Надежде приходилось давать частные уроки и думать о подыскании хорошего места после окончания института. Ее участие в революционных сходках и работа в вечерней школе привели к тому, что девушка находилась «на заметке» у руководства Ведомства учреждений императрицы Марии. Несмотря на очень хорошие отзывы преподавателей (в ее дипломе об окончании института в 1909 г. стояли лишь отличные оценки¹⁶), способной девушке не разрешили преподавать в столице, и ей было предложено место учительницы в гимназии

⁹ Адрианов Сергей Александрович (1871—1942) — специалист по истории русской литературы, публицист.

¹⁰ Каринский Николай Михайлович (1873—1935) — специалист в области истории русского языка и диалектологии.

¹¹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 152 об. (Автобиография).

¹² Фаминцын А. С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

¹³ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1—7.

¹⁴ Виноградов Николай Николаевич — известный в начале XX в. этнограф, исследователь народного театра (вертепа). Автор нескольких книг и статей, посвященных великорусской, белорусской и украинской мистериям.

¹⁵ Ермолов Алексей Сергеевич (1847—1917) — министр земледелия и государственных имуществ (1894—1905), опубликовал сборник «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» (СПб., 1901—1905. Т. 1—4), в котором собрал народные пословицы, поговорки и приметы о погоде, урожае и о разных явлениях природы, расположив их по временам года, по месяцам и дням.

¹⁶ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 1—2 (Личное дело Н. М. Элиаш).

Рис. 2. Из выпускного альбома Женского педагогического института. 1909 г. Фотография из фондов музея РГПУ им. А. И. Герцена.

города Верного (Алма-Аты). Отказаться Надежда не могла, так как семья нуждалась в ее зарботке.

В Верном на плечи Н. М. Элиаш легла большая нагрузка в женской и мужской гимназиях, где она преподавала русский язык и литературу, педагогику, а в старших классах и методику русского языка. Но она не унывала и даже находила множество причин для того, чтобы написать И. А. Шляпкину: «Общее впечатление от Верного — прекрасное. Городок расположен у подножия гор. Масса зелени, низенькие одноэтажные домики, широкие улицы — все это придает нашему городку своеобразную прелесть. Мои сослуживцы встретили меня приветливо и в высшей степени симпатично. Что касается до начальства, то и тут мне посчастливилось. В лице директора я нашла отзывчивого и просвещенного человека, который живо интересуется педагогическим делом».¹⁷ Уровень знаний учеников был невысок, и молодая учительница поставила себе задачу заинтересовать учащихся, добиться повышения грамотности, открыть перед ними богатый мир русской литературы (рис. 3).

А все свободное от педагогической работы время Надежда Михайловна посвящала изучению латинского и древнегреческого языков, так как решила начать подготовку к государственному

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 6—6 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 03.01.1910 г.).

Рис. 3. Преподаватели и ученицы женской гимназии г. Верный.
Во втором ряду 2-я слева — Н. М. Элиаш.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

экзамену. Она всерьез задумывалась о научных занятиях и предполагала «работать по Белинскому и его эпохе».¹⁸

Из далекого Верного Н. М. Элиаш писала директору Женского педагогического института С. Ф. Платонову: «Порой кажется, что у меня не хватит сил добиться того, о чем беспрестанно мечтаю. В такие минуты я вспоминаю об институте, и мне становится легче. Трудно выразить словами, как благодарна я институту за то, что он дал мне: сознательное отношение к педагогическим занятиям, стремление к знанию, желание посвятить себя серьезной научной работе — всем этим обязана я институту. Кроме того, в Вас и в других руководителях я нашла то симпатичное, сердечное участие к моим первым попыткам научных занятий, которое и теперь придает мне силы и энергию».¹⁹

Чтобы вернуться в Петербург, нужно было найти какую-нибудь работу. С трудом удалось получить уроки русского языка в двух четырехклассных училищах. С апреля 1912 г. к ним добавились занятия по педагогике в частной женской гимназии Э. П. Шаффе.²⁰ Имея надежный заработок, Н. М. Элиаш начала готовиться к экзаменам за курс российского университета.

В декабре 1911 г. был принят закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений...». Те женщины, которые успешно выдерживали испытания, отныне могли приобретать ученые степени магистра и доктора, дававшиеся университетами с присвоением прав на ученую и учебную деятельность и на службу в любых учебных заведениях.²¹ При Женском педагогическом институте была организована испытательная комиссия для выпускниц этого учебного заведения. Туда-то и обратилась Надежда Элиаш в марте 1914 г. с прошением о допуске ее к испытаниям по славяно-русскому отделению.²² Все испытания — семь устных экзаменов и два письменных — девушка прошла за одну сессию, получив высшие баллы.²³ В качестве дипломного сочинения (необходимого условия для получения диплома I степени) Н. Элиаш представила статью «К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушки-

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 8.

¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), ф. 585 (С. Ф. Платонов), д. 4715, л. 2 об.—3 (Письмо Н. М. Элиаш к С. Ф. Платонову от 29.03.1911 г.).

²⁰ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 6 (Удостоверение о работе в гимназии от 11.03.1914 г.).

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1914. Т. 31. Отд. I. № 36226. С. 1299—1300.

²² ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 5 (Прошение Н. М. Элиаш в испытательную комиссию при Женском пединституте от 27.03.1914 г.).

²³ Там же, л. 8—8об. (Экзаменационный лист).

на»,²⁴ опубликованную в сборнике Академии наук «Пушкин и его современники». 20 мая 1914 г. историко-филологическая испытательная комиссия при Женском педагогическом институте постановила выдать Н. М. Элиаш диплом I степени.²⁵

Твердо решив заниматься наукой, Надежда Михайловна сразу по приезде в Петербург выбрала для себя тему занятий, предложенную Отделением русского языка и словесности Академии наук для участия в конкурсе на премию имени М. И. Михельсона. Эта премия присуждалась Академией наук с 1898 г. за труды в области науки о русском языке. Присланные работы рассматривались раз в три года, и как раз в 1911 г. был объявлен новый конкурс. Н. М. Элиаш остановила свой выбор на 7-й задаче: «Собрать иноземные слова и термины, относящиеся к художествам и ремеслам и заключающиеся в письменных памятниках Московской Руси XV—XVII столетий, и сообщить реальное значение термина с объяснением его происхождения». На протяжении трех лет она не только работала в гимназии, готовилась к испытаниям за курс университета, но и находила время для научных занятий. 27 февраля 1915 г. Надежда Элиаш обратилась в Академию наук, заявив о своем желании участвовать в конкурсе на соискание премии имени М. И. Михельсона с работой «Материалы по терминологии художеств и ремесел в Московской Руси по памятникам XVI и XVII столетий».²⁶

В 1915 г. премию (половинную, по 500 р. каждая) получили две работы: Н. А. Смирнова «Словарь столового обихода Московской Руси XVI и XVII вв.» и материалы для словаря Н. М. Элиаш.²⁷ Сохранились отзывы рецензентов — П. К. Симони и А. И. Соболевского о труде «г-жи Элиаш».²⁸ А. И. Соболевский указал, что немногочисленные источники работы — это «описи имущества бояр Ив. Никит. Романова и бояр кн. В. В. Голицына (дело о Шак-

²⁴ Элиаш Н. М. К вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 1—39. В своей первой публикации Н. М. Элиаш высказала «искреннюю благодарность за указания, советы и любезное содействие» А. И. Соболевскому, П. Н. Шефферу, Б. Л. Модзалевскому, Н. К. Кульману, С. А. Адрианову и М. Л. Гофману (Там же. С. 1).

²⁵ ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 4146, л. 3—4 (Личное дело Н. М. Элиаш).

²⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН), ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 91 (Дело о Шестом присуждении премии имени М. И. Михельсона в 1915 году).

²⁷ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1915 г. / Сост. В. Н. Перетц. Пг., 1915. С. 27.

²⁸ СПФ АРАН, ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 92—106 об. (Отзыв П. К. Симони); ОР РНБ, ф. 558 (Пальмов), оп. 1, д. 155 (Отзывы А. И. Соболевского о рукописных трудах, удостоенных Михельсоновских премий).

ловитом), две описи Патриаршей ризницы 1631 и 1720 гг., переписная книга Ипатьева монастыря 1595 г., опись церковных вещей в московском дворце, иконописный подлинник к<онца> XVI в. и, наконец, „Столбцы бывшего архива Оружейной палаты“, изданные А. И. Успенским.²⁹ Критик подчеркнул знакомство автора работы с трудами Савваитова, Симони, Иностранцева, Забелина, Костомарова и др., но был строг, отметив бесхитрость обработки материала и явное отсутствие собственных критических замечаний к обрабатываемому материалу и мнениям предшественников. Вместе с тем подобранный Н. М. Элиаш материал, по оценке А. И. Соболевского, характеризовал конкретный предмет в пределах использованных источников максимально полно, «как со стороны внешнего вида — цвета, узоров и т. п., так и со стороны происхождения, способа изготовления и употребления. Поэтому те приблизительно 200 выписок, которые приведены при слове бархат (подчеркнуто А. И. Соболевским. — *Е. Г.*), все дают какую-нибудь новую подробность для характеристики бархата в XVI—XVII вв. в Московской Руси».³⁰ В заключение своего отзыва мэтр отметил: «Ценность материала не подлежит сомнению. Если бы он был несколько пополнен... он мог бы быть напечатан в „Сборнике“ отделения»³¹ (имеется в виду Отделение русского языка и словесности АН. — *Е. Г.*).

В отзыве П. К. Симони дан более подробный разбор работы молодого филолога. Рецензент отметил сравнительно узкий круг использованных источников, их ограниченность временными рамками — самый конец XVI и XVII в. — и тот факт, что конкурсантка усложнила свою задачу, выбирая и поясняя не только заимствованные и иноземные термины, но выписывая «решительно все, что могло бы пригодиться и вообще для будущего словаря древнерусского языка в пределах избранных... памятников»³² (подчеркнуто П. К. Симони. — *Е. Г.*). Отметив немногочисленные недочеты в оформлении выписок и дав несколько рекомендаций, рецензент в целом полученный результат признал вполне удовлетворительным. «Пересматривая карточки работы г-жи Элиаш и сравнивая выписки значений слов, нельзя не отметить 1) большого труда и трудолюбия, вложенных в настоящий труд; 2) конкурсного времени — неполных 3-х лет едва должно было хватить на одни голые выписки, а они по возможности и подобраны, и сгруппированы».³³ В заключение читаем:

²⁹ Имеется в виду книга: *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты: В 3 т. М., 1912—1914.

³⁰ ОР РНБ, ф. 558 (Пальмов), оп. 1, д. 155, л. 7.

³¹ Там же.

³² СПФ АРАН, ф. 9, оп. 3, д. 62, л. 92 об.

³³ Там же, л. 106.

«Выдающаяся точность выписок, почти безукоризненная полнота исчерпывания источников по разным, хотя и разного достоинства, изданиям, а главное поразительные и ценные для науки приобретения номенклатуры древнего русского письменного языка по памятникам среднего периода, номенклатуры достаточно объясняемой самыми выписками из памятников, сделанными умело и толково, налагают на рецензента труда г-жи Элиаш приятную обязанность подчеркнуть значение ее хотя и недоконченного и несовершенного труда и высказать желание видеть его напечатанным».³⁴ Возможно, лишь бурные политические события помешали появлению в печати этой работы.

Весной 1917 г. Надежда Михайловна предложила для публикации в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» свой отзыв о книге финского ученого Салонена, посвященной изучению пейзажа в произведениях Тургенева. Ее поддерживал Н. К. Пиксанов, подчеркивая, что книга Салонена мало известна русским читателям, а «между тем ее предмет значителен и заслуживает обсуждения в печати. В будущем 1918-м году исполняется столетие со дня рождения И. С. Тургенева, а отзыв о книге Салонена, быть может, был бы нелишним в юбилейной литературе».³⁵ Однако статья Н. М. Элиаш не была принята к печати.

Девушку не смутила эта неудача. Она твердо решила посвятить себя исследовательской работе и снова села за учебу — начала готовиться к магистерским экзаменам, которые надо было сдавать уже в университете.

О своих успехах и сомнениях Надежда Элиаш писала И. А. Шляпкину: «9-го декабря (1917 г. — *Е. Г.*) я начала магистерские экзамены. Первый экзамен был у Ф. А. Брауна,³⁶ все сошло вполне благополучно, и я, конечно, счастлива, что начала то трудное дело, о котором непрестанно мечтала. Магистерские экзамены вообще важный шаг в жизни, но мне, право, они стоят столько жизненной борьбы, сомнений и усилий, что порой даже не верится, что этот торжественный и серьезный момент уже настал».³⁷ Через три месяца она проходила следующее испытание. «Экзаменаторами были А. П. Кадлубовский³⁸ и А. К. Бороздин».³⁹

³⁴ Там же, л. 106 об.

³⁵ Там же, оп. 1, д. 1057, л. 17 (Обращение в ОРЯС Н. К. Пиксанова от 23 марта 1917 г.).

³⁶ Браун Федор Александрович (1862—1942) — специалист в области истории и филологии, профессор Петербургского университета.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 15—15 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 15.12.1917 г.).

³⁸ Кадлубовский Арсений Петрович (1867—1920) — специалист в области русской литературы XIX в., профессор Харьковского университета.

³⁹ Бороздин Александр Корнильевич (1863—1918) — специалист в области русской филологии.

На экзамене присутствовали А. А. Шахматов и Ф. А. Браун. А. П. Кадлубовский отнесся ко мне в достаточной мере строго и сурово, стараясь сбить меня на веках рукописей, особенностях языка, греческих житиях — одним словом, таких вопросах, которые выходили за пределы моей программы. <...> А. К. Бороздин... экзаменовал меня по новой литературе; он заинтересовался теми вопросами, над которыми я работала (западными влияниями в творчестве Лермонтова и комедиях Фонвизина); эта часть программы сошла глаже, а, в общем, все благополучно окончилось, чему я, по правде сказать, очень рада: последние дни перед экзаменами были крайне мучительными и беспокойными. <...> Если бы не редкое по сердечности и вниманию отношение Ф. А. Брауна и А. А. Шахматова, я бы, наверное, отложила, а быть может, и совсем оставила экзамены».⁴⁰ Счастливая после успешно пройденных испытаний Надежда Михайловна благодарила И. А. Шляпкина за то, что он первым еще в институте заинтересовался ее ученическими опытами и указал то дело, которое теперь стало «центром ее жизни», за то, что он переживал за свою ученицу, помогал советами, радовался ее успехам.⁴¹ Через месяц ее любимого учителя не стало.

После того как в 1917—1918 гг. Надежда Элиаш сдала все экзамены на степень магистра русской литературы, советом филологического факультета Петроградского университета она была избрана приват-доцентом.⁴² Однако напряженная педагогическая и научная деятельность, интенсивная подготовка к экзаменам в условиях продовольственного кризиса военного времени и трудности послереволюционного периода подорвали здоровье молодой женщины, и ей пришлось на время переехать из столицы в провинцию. Почти полтора года Н. М. Элиаш работала уездным инструктором внешкольного образования в Старой Руссе.⁴³ По выходным она по поручению Русского географического общества собирала в окрестностях Старой Руссы произведения устного народного творчества. Эта работа настолько увлекла Надежду Михайловну, что свои дальнейшие научные занятия она решила посвятить именно фольклору.

Вернувшись в Петроград, Н. М. Элиаш продолжала вести занятия в школах. Когда 1 сентября 1921 г. при Петроградском

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, д. 2335, л. 17 об.—18 (Письмо Н. М. Элиаш к И. А. Шляпкину от 3/18.03.1918 г.).

⁴¹ Там же.

⁴² СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 33 (анкета от 08.07.1925 г.); Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 153 (автобиография).

⁴³ В Старой Руссе после революции работал отец Надежды Михайловны, занимавший должность секретаря отдела социального обеспечения (Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 126).

Рис. 4. Н. М. Элиаш.
Начало 1920-х гг.
Фотография из семейного
архива И. А. Черкас.

университете был образован Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), Надежда Михайловна вошла в состав его сотрудников. 1 сентября 1923 г. она была переведена на должность научного сотрудника I разряда⁴⁴ и активно вела исследовательскую работу по этнографии и фольклору, регулярно ездила в Старорусский уезд для изучения быта и устного народного творчества местного населения.⁴⁵ Разнообразие фольклорного материала, записываемого в деревнях (песни, обряды, заговоры, сказки, загадки), и интерес Н. М. Элиаш ко всем формам устного народного творчества способствовали тому,

что она активно участвовала в работе не только фольклорной секции ИЛЯЗВ, но и некоторых других научных организаций, таких как Сказочная комиссия при Русском географическом обществе (Ленинград), фольклорная подсекция Государственной академии художественных наук (Москва), посещала заседания в Государственной академии истории материальной культуры (Ленинград), т. е. тех учреждений, где велись этнографические и фольклорные исследования (рис. 4). В декабре 1924 г. по приглашению Центрального бюро краеведения и Русского географического общества Н. М. Элиаш участвовала во Всесоюзной конференции по краеведению в Москве.

Сказочная комиссия при Этнографическом отделении Русского географического общества начала свою работу еще в 1896 г.; в 1917 г. ее деятельность была прервана, но одиночные исследователи не прекращали трудиться, и в 1924 г. удалось вновь наладить общую работу комиссии под председательством С. Ф. Ольденбурга. В состав Сказочной комиссии вошли увлеченные собиратели, филологи и этнографы А. И. Никифоров, Н. Е. Ончуков, Н. П. Гринкова, Д. А. Золотарев, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, Н. П. Андреев, В. И. Чернышев и др., в том

⁴⁴ СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 1 (Личное дело о службе Н. М. Элиаш в НИИ ИЛЯЗВ).

⁴⁵ Там же, л. 3, 9, 12, 21, 24, 27 (То же).

числе и Надежда Михайловна Элиаш. Комиссия вела большую работу по библиографии сказочных текстов всех народностей России, по теоретической разработке сказочного материала, продолжала собирательскую деятельность. Н. М. Элиаш подготовила большую обзорную статью о результатах изучения фольклора Сибири,⁴⁶ в которой обратила внимание на широту исследований сибирских этнографов, особенно отметила статьи и очерки иркутского ученого Г. С. Виноградова по детскому фольклору, их тонкий психологизм, а также труды М. К. Азадовского, который умел «вскрыть основные, глубинные процессы художественного творчества».⁴⁷ На одном из заседаний комиссии Надежда Михайловна отчиталась и о собственной собирательской работе за последние несколько лет.⁴⁸ Собирательско-исследовательская деятельность Н. М. Элиаш не ограничивалась записью и анализом только сказочных текстов, в числе «трофеев» фольклориста большое место занимали также побывальщины, бытовые рассказы, автобиографии сказочников. Говоря о своей деятельности собирателя, Надежда Михайловна отмечала, что «как фольклорист, работающий по психологии народного творчества», она старалась «проследить те психические и бытовые моменты, которые лежат в основе творчества данного лица (рассказчика. — Е. Г.), его отношение, подход к сказке, к слушателям, ознакомиться с мировоззрением сказочника».⁴⁹ Такой подход к личности рассказчика был одним из программных вопросов деятельности Сказочной комиссии.

В плане работ Сказочной комиссии стояла проблема изучения процесса творчества при рассказывании. По словам С. Ф. Ольденбурга, передатчик сказки в большинстве случаев являлся несомненным автором, и, сравнивая тексты записей сказок от разных рассказчиков, можно изучить и рассказчика, и ту обстановку, и ту специальную среду, в которой он творил.⁵⁰ Этот вопрос еще серьезно не изучался и требовал особой методологической разработки, а с учетом «вымирания» искусства рассказывания в деревне необходимо было в кратчайшие сроки максимально полно собрать информацию по всем известным рассказчикам сказок. Для правильного проведения этой работы по поручению Сказочной

⁴⁶ Элиаш Н. Изучение сибирского фольклора за последние годы (1921—1925) // Северная Азия : Общественно-научный журнал. 1925. Кн. 5/6. С. 95—100.

⁴⁷ Там же. С. 97—98.

⁴⁸ Элиаш Н. М. Собираание сказок в Старорусском уезде Новгородской губернии (1919—1926) // Сказочная комиссия в 1926 г. : Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927. С. 32—37.

⁴⁹ Там же. С. 34.

⁵⁰ Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. : Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1926. С. 3.

комиссии Н. М. Элиаш разработала учетные карточки для регистрации сказителей и собирателей, записывавших сказки, составила особую инструкцию к их заполнению. Чтобы довести эти методические материалы до всех краеведческих организаций и отдаленных библиотек и музеев, хранивших записи прежних лет, Сказочная комиссия опубликовала карточки и инструкцию их заполнения в своем сборнике⁵¹ и в журнале «Краеведение»,⁵² предложив присылать сведения о пока неизвестных сказочных материалах в Русское географическое общество.

В 1925 г. в ИЛЯЗВе была создана секция «Живая старина», одним из членов-учредителей которой стала Н. М. Элиаш. «Живая старина» объединила большую часть ленинградских фольклористов того времени, работавших при секции как штатными, так и нештатными сотрудниками. В их число входили Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, В. Я. Пропп, М. И. Успенский, на заседания секции приходили В. В. Струве, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан, Э. К. Пекарский, В. И. Чернышев, П. К. Симони и др. Свою задачу члены секции видели в том, чтобы способствовать переходу от чисто словесного изучения богатств русского фольклора к их комплексному изучению в связи с народным бытом, техникой и т. п.⁵³

Первый год «Живая старина» больше работала в области изучения народной сказки (многие члены секции были сотрудниками и Сказочной комиссии), но круг ее интересов быстро расширялся: в него вошли народные песни, театр, обрядность, верования, быт, техника и т. п. В плане работы секции стояли темы методологии собирания и изучения устного творчества, детского фольклора, библиографии фольклора и этнографии.⁵⁴ На заседаниях секции звучали доклады, посвященные конкретным вопросам этнографии и фольклора. Выступление Н. М. Элиаш называлось «Семейный быт современной новгородской деревни: Опыт методологического собирания этнографических материалов». В этнографическом отделении Русского географического общества она прочитала доклад «Нечистая сила в представлениях крестьян Старорусского уезда Новгородской губернии».

Помимо собирательско-исследовательской работы Надежда Михайловна много занималась библиографией фольклорных

⁵¹ Элиаш Н. М. Об учете сказочников и собирателей (инструкция) // Там же. С. 12—15.

⁵² Инструкция по учету сказочников и собирателей // Краеведение. 1925. № 3/4. С. 297—298.

⁵³ Яковлев Н. В. Ленинградский институт языка и литературы // Научный работник. 1927. № 4. С. 21.

⁵⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства СПб. (далее — ЦГАЛИ СПб.), ф. 288, оп. 1, д. 27, л. 15 (План работы секции «Живая старина» на 1926/1927 г.).

материалов и литературы. Составляя библиографию новейшей немецкой литературы по фольклору (с 1914 г.), Н. М. Элиаш пришла к мнению, что научное общение с немецкими этнографами и фольклористами было бы очень интересно и полезно для советских ученых. В 1925 г. она обратилась в Коллегию ИЛЯЗВа с просьбой о научной командировке в Германию. Предложенный план поездки включал посещение этнографических музеев, фольклорных и краеведческих обществ в Бреславле, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Мюнхене, Тюбингене, Карлсруэ, знакомство с современной научной литературой.⁵⁵

В 1926 г. Надежда Михайловна четыре месяца провела в Германии, где ознакомилась с постановкой научно-исследовательской работы, организацией фольклорных архивов и этнографических музеев. В одном из берлинских журналов («*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*») — «Журнал общества фольклористов») была напечатана ее статья о достижениях советской фольклористики в 1917—1925 гг.,⁵⁶ а вернувшись в СССР, Н. М. Элиаш в нескольких публикациях рассказала о работе немецких коллег.⁵⁷ По ее наблюдениям, этнография и фольклористика в Германии находились в периоде исканий, переходя от отвлеченных научных теорий к работе с конкретным живым материалом. Этим Н. М. Элиаш объясняла богатство тем и разнообразие направлений исследований этнографов и фольклористов: собирательская и исследовательская работа, лингвистические вопросы, изучение культурно-исторических традиций, народного быта и творчества, духовной культуры, народной веры (поверья, обычаи, обряды), описание отдельных провинций и областей Германии и проч. Многие из опыта немецких коллег показалось очень интересным и полезным для российской науки.

Надежда Михайловна старалась привлечь новых специалистов к собирательской и научной работе. Легкая на подъем и очень коммуникабельная, она часто и плодотворно ездила в фольклорные экспедиции, записывая сказки, колыбельные песни, заговоры, частушки, легенды в разных районах Новгородской и других областей. В рабочих записях Надежды Михайловны большое место занимали побывальщины, бытовые рассказы, автобиографии тех, с кем она знакомилась в фольклорных экспедициях.

⁵⁵ СПФ АРАН, ф. 302, оп. 2, д. 300, л. 6—7об. (Личное дело о службе Н. М. Элиаш в НИИ ИЛЯЗВ).

⁵⁶ *Eliasch N. Die russische volkskundliche Arbeit in den letzten Jahren // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin, 1926. Jahrgang 1925/26. 4. Hf. S. 273—275.*

⁵⁷ *Элиаш Н. М. 1) Современная фольклористика Германии // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2/3. С. 165—172; 2) Немецкие этнографические музеи // Этнография. М., 1927. Кн. 3. № 1. С. 151—159.*

Много времени она отдавала и переписке с краеведами и фольклористами из отдаленных районов. После публикации инструкции по собиранию сказочного фольклора из провинции приходили собранные материалы. Например, краевед из Красноярска М. В. Красноженова прислала сказки Чичаевой (записи 1932 г.).⁵⁸

Продолжая преподавать в ленинградских школах, Н. М. Элиаш старалась придать научно-исследовательский характер и своей педагогической работе: в школьной краеведческой комиссии выступала с докладами о краеведческом методе в преподавании родного языка и литературы; руководила фольклорными работами учащихся старших классов; читала лекции на учительских курсах в Старой Руссе.⁵⁹ К ней обращались за научным руководством и за консультациями аспиранты и молодые сотрудники литературных институтов.

При пересмотре штатов Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока в 1928 г. Н. М. Элиаш оказалась сокращена. Временно отойдя от научной работы, она больше времени посвящала педагогической деятельности, устроилась преподавателем русского языка и литературы на рабфак Финансово-экономического института. Работа со студентами не мешала ее занятиям фольклористикой. Более того, уверенная в том, что вернется в систему академических учреждений, Надежда Михайловна составляла планы научных исследований, продумывала новые направления работы: изучать фольклор современной колхозной деревни, сравнить деревенский и городской детский фольклор. Ее попытка восстановиться в ИЛЯЗВе в 1930 г. не увенчалась успехом.⁶⁰ Но в 1932 г. Н. М. Элиаш получила должность заведующей ученым архивом Географического общества. С этим учреждением ее связывали годы научной работы, многих сотрудников она знала, с некоторыми дружила.

При Русском географическом обществе в декабре 1927 г. была образована Комиссия по детскому быту и фольклору (Детская комиссия), которая скоро стала вторым (после Иркутска, где был впервые поставлен вопрос об изучении детского мира) крупным центром по исследованию детской темы в этнографии и фольклоре. Председатель О. И. Капица⁶¹ и секретарь Н. М. Элиаш вместе с членами Комиссии (студенты Педагогического института им. А. И. Герцена, ученики О. И. Капицы) развернули актив-

⁵⁸ *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века : 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 582.

⁵⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 288, оп. 1, д. 27, л. 22—22 об.

⁶⁰ Там же, л. 43—43 об.

⁶¹ Капица Ольга Иеронимовна (1866—1937) — специалист в области детской литературы и фольклора.

ную работу по собиранию материала и его изучению в различных направлениях. В план работы входили установление связей с краеведческими и учительскими организациями, изучение материалов и исследований по детскому фольклору и быту, этнографии детства, устройство экспедиций по собиранию детских народных песен, колыбельных, сказок. Не имея возможности для организации собственных экспедиций, Детская комиссия старалась сотрудничать с другими научными учреждениями, попутно собирая свой материал. Когда в 1933 г. Институт антропологии и этнографии формировал экспедицию в район деревни Шокшозеро (Ленинградская область) для продолжения работ, начатых в 1928—1929 гг., в группу фольклористов вошла и Надежда Михайловна Элиаш, которая за месяц собрала значительное количество материала по сказке, песенному творчеству, свадебному обряду, детскому фольклору, заговорам.⁶² После этой поездки она прочла в Детской комиссии сообщение «Колыбельная песня, детский быт и язык деревни Шокшозеро».⁶³

В 1930 г. вышел первый печатный сборник Детской комиссии «Детский быт и фольклор».⁶⁴ Как секретарь Н. М. Элиаш подготовила отчет о деятельности Комиссии в 1928 г. Начинание студентов-педагогов поддержали известные ленинградские ученые и педагоги. В состав членов организации уже в первые месяцы ее работы вошли Л. Г. Оршанский,⁶⁵ П. К. Симони, Ю. И. Фаусек⁶⁶ и др. На ежемесячных заседаниях читались доклады, заслушивались сообщения о записанных фольклорных материалах. Было внесено предложение при составлении библиографии работ по детскому быту и фольклору учитывать и материалы, касающиеся национальных меньшинств на территории СССР, а также народов Запада и Востока.⁶⁷ Надежда Михайловна активно участвовала в работе Детской комиссии, во время фольклорных экспедиций за 1928 г. ею было записано около трехсот образцов детского устного народного творчества.⁶⁸ В сборнике Комиссии она опубликовала и статью о детской сказке,⁶⁹ в которой представила

⁶² Элиаш Н. М. Поездка в Шокшозеро (1933 г.) // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 219—220.

⁶³ Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. С. 473.

⁶⁴ Детский быт и фольклор / Под ред. О. И. Капицы. Л., 1930. Сб. 1.

⁶⁵ Оршанский Лев Григорьевич (1866—?) — специалист в области педагогической антропологии.

⁶⁶ Фаусек Юлия Ивановна (1863—1942 ?) — специалист в области дошкольной педагогики.

⁶⁷ Элиаш Н. М. Отчет о деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку в 1928 г. // Детский быт и фольклор. Л., 1930. Сб. 1. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 10, 61—63.

⁶⁹ Элиаш Н. М. К вопросу о детской сказке : (По материалам, собранным в Старорусском уезде) // Детский быт и фольклор. Л., 1930. Сб. 1. С. 35—41.

свои выводы, появившиеся как результат собирательской работы. Приведя ряд примеров сказок, записанных у детей дошкольного возраста, автор делает вывод: «Есть несомненное сходство, единообразие в приемах детей-сказочников; они теснейшим образом связаны с особенностями детской психики. Анализируя детские сказки, мы проследили также за отношением детей к сказочной обрядности, определили влияние старых сказочных образов на творчество современных ребят».⁷⁰ Коллекцию фольклорных записей, как уже говорилось, пополняли и образцы народного творчества, присланные из разных уголков страны собирателями-энтузиастами на имя Н. М. Элиаш в ленинградские научные организации.⁷¹

Убийство С. М. Кирова в декабре 1934 г. вызвало новую волну борьбы с «врагами народа». Политическая кампания затронула и деятелей культуры, в том числе некоторых фольклористов.⁷² В феврале 1935 г. в кампанию оказалась вовлечена и Надежда Михайловна Элиаш. Архив Географического общества, где она тогда работала, был закрыт, она лишилась работы, а вскоре получила предписание покинуть Ленинград, в котором прожила более сорока лет, где оставила родных, друзей, учеников. В ее жизни начался долгий период странствий.

Н. М. Элиаш переехала в Саратов, устроилась работать сначала в библиотеку, а потом стала преподавать русский и иностранный (немецкий и французский) языки в Медицинском и Зооветеринарном институтах. Надежда Михайловна не оставляла попыток добиться своей реабилитации, неоднократно писала в Прокуратуру, обращалась к оставшимся в Ленинграде знакомым с просьбами поддержать ее ходатайства, дать отзыв о ее работе. Однако активной помощи не дождалась. В письмах к Игнатию Юлиановичу Крачковскому она сетовала: «Я все-таки до сих пор не знаю точно, что мне ставится в вину. Что касается религиозности моего стиля и направления, странно говорить об этом... Я послала в Прокуратуру заявление с указанием, что с 1928 г. я никакого участия в церковной деятельности не принимала, совсем отошла от общения с этой средой. Обо всем этом у начальства есть материалы. Поэтому курьезно предъявлять

⁷⁰ Там же. С. 41.

⁷¹ Подробнее о разных формах собирательской работы и контактах столичных фольклористов с провинциальными фольклорными обществами и собирателями-одиночками см.: *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века.

⁷² Так, например, в четырехдневный срок было предписано покинуть Ленинград Н. Е. Ончукову. См.: *Иванова Т. Г.* Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова // *Russian studies* : Ежеквартальный журнал русской филологии и культуры. СПб., 1996 (1998). Т. 2. № 4. С. 245.

мне в 1936 г. этот счет... Я — педагог, научный работник, недурной организатор в этих областях. И только. Никогда никакого интереса к политической работе я не имела, никаких уклонов у меня в этом смысле не было и не может быть. Я сознательно примкнула к обновленческой церковной группе, зная, что они чужды всякого политиканства... Отношение наших старших академических работников, старых родовитых интеллигентов ко мне после моей высылки окончательно подорвало во мне веру в старое поколение, в людей с традициями... Мой недочет, с точки зрения марксизма, никому не мешает, потому что это не выходит за пределы личной жизни...».⁷³ Размышляя над произошедшим, Надежда Михайловна сделала собственные выводы: «Во мне произошли какие-то сдвиги... Я поняла основную ошибку моей жизни — увлечение общественно-организаторской деятельностью, осознала, что это дело молодого поколения, а не мое... вся сосредоточилась на личной научно-исследовательской работе, вспомнила, что я научный работник с порядочной квалификацией и большими накопленными в результате усиленной экспедиционной деятельности материалами. Поняла, что это и работа по новой специальности — основное дело жизни».⁷⁴

Надежда Михайловна все свободное время отдавала разбору накопленного фольклорного материала, систематизации своего фонда, готовила к печати особенно интересные материалы, вернулась к теме своей юности (К. Н. Батюшков), всерьез задумалась над защитой диссертации. Сначала исследовательница отказалась от фольклора, так как в провинции, где она теперь жила, почти не было необходимой литературы. Надежда Михайловна взвешивала разные темы (творчество раннего Горького, анализ пейзажа в русской литературе и др.), но все же вернулась к любимому фольклору: «В смысле темы кандидатской работы я окончательно остановилась на одной небольшой теме по детскому фольклору, знакомой мне: „Колыбельные песни“. Для ее разработки мне необходимо использовать обширный рукописный материал (печатного совсем мало), главным образом архив О. И. Капица».⁷⁵ Н. М. Элиаш получала книги по межбиблиотечному абонементу, переписывалась с этнографами, фольклористами, историками, археологами — со всеми, кто мог поделиться необходимыми для ее работы материалами или дать полезный совет: «Некоторые указания я получила от

⁷³ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 68 об., 89 об.—90 об. (Письма Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 15.05.1936 и 08.12.1936).

⁷⁴ Там же, л. 38 об.—39 (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 18.10.1935).

⁷⁵ Там же, л. 134 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 06.05.1939).

Бломквист.⁷⁶ Кое-что использовала: таджикский материал дает мне интересные просветы на происхождение колыбельных песен; у Троицкой есть описание обряда положения в колыбель, заклинания, произносимые при этом. Все такие моменты для меня значительны. Недавно закончила просмотр и копирование немецких колыбельных... Написала заведующей библиотекой Института востоковедения, прошу этого товарища помочь мне библиографическими указателями по фольклору восточных народов... Может помочь Рамаскевич⁷⁷ — очень нужны мне кавказские материалы, тюркские, одним словом, все нужно... Основной вопрос — вопрос об общих традиционных мотивах выясняется для меня отчетливо, надо только наращивать материал, чтобы все выводы были документированы».⁷⁸

К началу 1940-х гг. Надежда Михайловна имела значительную библиографическую и педагогическую нагрузку в Саратове и в порядке выездного лекторства вела занятия в Вольском учительском институте. Ее вполне устраивала жизнь в провинции: «Я просто не могу себе представить моей постоянной жизни в Ленинграде. Скажу совсем откровенно: мне даже ничуть не хочется этого. Я не столичный человек по складу. Здесь мне уютнее, симпатичнее, чем на родине... Решение мое... основное — ни в коем случае не возвращаться в Ленинград».⁷⁹ Практически закончена была диссертация. Оставалось разрешить вопрос, где будет проходить защита. Начавшаяся война еще больше осложнила ситуацию. В 1942 г. Надежде Михайловне пришлось переехать из голодного Саратова в Вольск, взять кроме преподавательской нагрузки еще заведование библиотекой Учительского института и уроки в местной школе. В 1943 г. она снова переехала, теперь уже в Сызрань, где работала в Учительском институте на кафедре русской литературы.⁸⁰

Не имея возможности видеть своих близких, оставшихся в Ленинграде, Надежда Михайловна с тревогой ждала писем, переживала за всех, кто оказался в тяжелейших условиях в блокадном городе. Она поддерживала переписку с друзьями, бывшими коллегами. Академик И. Ю. Крачковский рассказывал «много-

⁷⁶ Бломквист Евгения Эдуардовна (1890—1956) — этнограф, сотрудник Этнографического музея и Института этнографии и антропологии в Ленинграде.

⁷⁷ Рамаскевич А. А. — этнограф, специалист по народам Южной и Юго-Западной Азии.

⁷⁸ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 145—146 (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 10.11.1939).

⁷⁹ Там же, л. 89—89 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 08.12.1936).

⁸⁰ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 126 об. (Личный листок по учету кадров).

уважаемой Надежде Михайловне» о жизни в Ленинграде, о делах в Академии наук, в Географическом обществе, о некоторых общих знакомых: «Живется здесь все еще трудновато: квартира очень отсырела за два года и никак не хочет просыхать: внизу подвал, наполненный водой. С наступлением холодов и у нас температура понижается. Телефон все еще не действует и в кухне нет воды. Но все это — проза, а поэзия в том, что есть некоторая возможность работать, которая искупает все прочее».⁸¹

Долгожданые письма приносили и горькие известия. В блокаду погибли мать и три сестры Надежды Михайловны, она очень тяжело перенесла эту утрату. Позже признавалась: «Спаслась я от отчаяния благодаря своей яркой, страстной любви к науке, к любимому родному русскому народному творчеству».⁸²

Ей нравилось жить в небольших провинциальных городах. Надежда Михайловна всегда была готова к экстренному переезду, все ее вещи умещались в чемоданчике. Самыми тяжелыми были сумки с бумагами. Меняя съемную комнату на общежитие, она не сетовала, не унывала (говорила о себе: «Я ведь из тех людей, энергия которых растет прямо пропорционально трудности внешних бытовых условий»⁸³) и продолжала заниматься — шлифовать диссертацию.

Тема диссертации, взятая Н. М. Элиаш (Русские народные колыбельные песни), была, по ее собственной оценке, «белым пятном на нашей фольклорной карте», и Надежда Михайловна надеялась, что это исследование поспособствует привлечению внимания к детскому фольклору, что ее «заслугой будет постановка вопроса и научный опыт построения исследования темы».⁸⁴ Работа была закончена еще весной 1940 г., и ее одобрили многие фольклористы — В. Я. Пропп, М. К. Азадовский и др. В 1943 г. Надежда Михайловна снова подняла вопрос о защите диссертации, выясняла возможность защиты в различных вузах и научных учреждениях. Она писала своей давней знакомой, «однокласснице» по Женскому педагогическому институту, а к 1940-м гг. известной ленинградской фольклористке сотруднику Пушкинского Дома Анне Михайловне Астаховой, находившейся в Казани вместе с эвакуированным Институтом русской литературы: «Никаких моментов, мешающих мне защищать диссертацию в Казани, нет, а мне хотелось бы, по правде сказать, чтобы Вы, как, пожалуй,

⁸¹ Из письма И. Ю. Крачковского от 09.11.1944 г. (из архива И. А. Черкас).

⁸² Из частного письма Н. М. Элиаш от 29.03.1949 г. (из архива И. А. Черкас).

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, д. 392, л. 7 (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 24.02.1940 г.).

⁸⁴ Там же, л. 6 об.

единственный фольклорист центрального учреждения, интересующийся детским фольклором, провели эту защиту. Важно также, чтобы она была проведена в Институте АН, как в центральном учреждении. Эту защиту мы используем для того, чтобы снова поднять в научной среде вопрос о детском фольклоре. Защита в ЛГУ, в Саратове не даст этого результата».⁸⁵

Итогом своей работы сама Н. М. Элиаш была довольна: «Диссертация получилась обширная, обстоятельная и оригинальная. Занятая работа. Это — опыт применения к фольклору теории Н. Я. Марра. Стадиальные изменения, палеонтологический анализ, вскрывающий первичные формации, единство фольклорного процесса. Просто интересная история получилась. Нагребла я материала целый ворох, но не сгрудила его, а систематически разложила по сюжетным схемам и историческим стадиям. Параллелизм сюжетных схем полный: основное утверждение о связи колыбельной песни с колыбельными заклинательными формулами вполне документировано, доказано... Для меня самой интересно, ценно, что я, наконец, дошла до той стадии, до того момента, когда мне ясны ответы на вопросы: для чего и почему. На это потрачены силы и энергия, годы на интенсивные научные искания, которые посторонним людям казались метаниями».⁸⁶

Наконец, в 1944 г., вопрос с защитой диссертации был решен — местом защиты определен Казанский университет, оппонентами назначены профессор Казанского университета Александр Николаевич Вознесенский и ленинградский филолог Иван Иванович Толстой.⁸⁷ К зиме 1944/45 г. в Сызрани был отпечатан автореферат,⁸⁸ а защита диссертации объявлена в самом начале 1945 г. Защита прошла успешно, оппоненты признали работу интересной и ценной; 16 февраля 1945 г. члены Ученого совета Казанского университета единогласно проголосовали за присуждение Н. М. Элиаш ученой степени кандидата филологических наук.⁸⁹

В Казани Н. М. Элиаш произвела очень хорошее впечатление, и ее пригласили работать сразу в два местных вуза — Университет

⁸⁵ Там же, л. 14—14 об. (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 02.06.1943 г.).

⁸⁶ СПФ АРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 1048, л. 154 об. (Письмо Н. М. Элиаш к И. Ю. Крачковскому от 10.03.1941 г.).

⁸⁷ Толстой Иван Иванович (1880—1954) — специалист в области древней истории и классической филологии, академик.

⁸⁸ *Элиаш Н. М.* Русские народные колыбельные песни : Опыт классификации фольклорного жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сызрань, 1944. Диссертация опубликована не была и хранится в Российской государственной библиотеке в Москве.

⁸⁹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 134 (Копия диплома кандидата наук).

и Педагогический институт. Новый доцент скоро стала известна среди студентов как строгий экзаменатор, так что перед экзаменами по фольклору им приходилось посидеть над учебниками и поволноваться. Сама Надежда Михайловна тоже переживала, но после окончания экзаменов. Она в письмах рассказывала своим племянницам о текущей сессии: «Экзамен окончился для шестерых совсем благополучно — на отлично они сдали; одна с треском провалилась, вторую, пытавшуюся подглядывать по шпаргалке, я со свойственным мне с юных лет педагогическим азартом отправила домой, не пожелав беседовать с ней. Студенты знают, что я немилостива в таких случаях, но все-таки любители попытать счастья пошпаргалить находятся, хотя я часто повторяю, что лучше этого во избежание серьезных неприятностей не делать».⁹⁰

Во время войны осиротели племянницы Надежды Михайловны. Узнав, что младшая, Ирина, в 1942 г. попала в детский дом, с которым была вывезена из Ленинграда, Надежда Михайловна разыскала девочку в отдаленном сибирском районе и взяла на себя заботу о ней. Уже после окончания войны Ирина училась в Ленинграде, и, чтобы быть ближе к племяннице, Н. М. Элиаш в 1948 г. решила распрощаться с волжскими краями. Она перешла по конкурсу в ближний к Ленинграду Новгородский учительский институт на кафедру русской литературы⁹¹ и приняла предложение включиться в качестве сверхштатного сотрудника Института русской литературы АН СССР в работу по подготовке трехтомного труда «Русское народное поэтическое творчество». Как специалист по детскому фольклору она должна была подготовить очерк о колыбельной песне. Эту работу Надежда Михайловна сделала в соавторстве с В. А. Кравчинской, приведя в небольшой по объему публикации примеры разных тем, сюжетов и образов, характерных для русских народных колыбельных. Авторы отмечали, что в колыбельных песнях художественное отражение получили глубокая задушевность, юмор и тонкая наблюдательность народа, знание жизни природы и особенно мира животных.⁹² Для сборника Н. М. Элиаш был написан и еще один очерк, к рассмотрению которого мы вернемся позже.

Где бы ни оказывалась Н. М. Элиаш, она знакомилась с местными обычаями, делала фольклорные записи, у нее появлялись новые друзья. Но воспоминания о родном городе не оставляли.

⁹⁰ Из частного письма Н. М. Элиаш от 01.04.1947 г. (из архива И. А. Черкас).

⁹¹ Архив БелГУ. Л/д препод. Н. М. Элиаш, л. 154 об. (Автобиография).

⁹² *Кравчинская В. А., Элиаш Н. М.* Колыбельные песни // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 498—504.

Она видела Ленинград во сне: «Знакомые с детства улицы, хмурая ленинградская погода. Вечером я в нашей квартире, в родной семье. Комната ярко освещена предзакатными лучами солнца. Я думаю: как ярко светит солнце на севере. Я не сочиняю, все это я действительно видела во сне».⁹³ Приезжая в родной город, Надежда Михайловна много бродила по его улицам, ходила в Публичную библиотеку, в филармонию, в Мариинку, обязательно посещала несколько домов — Елизаветы Владимировны Пушкаревой-Козловой,⁹⁴ Игнатия Юлиановича Крачковского, Ивана Ивановича Толстого.

Н. М. Элиаш продолжала следить не только за развитием российской фольклористики, но и за зарубежными публикациями. После появления в английском журнале «Folklore» доклада лорда Раглана (известного этнографа, президента «Общества фольклора» и автора ряда работ по мифу и обряду) об истоках народной культуры она в соавторстве с В. И. Чичеровым опубликовала критическую статью, обличающую возрождение известной еще со времен Ницше реакционной теории творческого бесплодия народных масс. По мнению критиков, некоторые английские фольклористы допускали принципиальную ошибку, утверждая, что народ лишь перепевает бродячие сюжеты, питаясь тем, что «спускается» из образованных кругов общества.⁹⁵

Не оставляя фольклорную работу, Н. М. Элиаш увлеклась исследованием по новой теме — свадьба и сопровождающие ее обряды и песни. Она собирала материал, живя в Саратове, в Казани, в Новгороде, продолжила работу и в Калуге, куда переехала в 1950 г. При Педагогическом институте Надежда Михайловна создала кружок народного творчества, в котором работали молодые студенты, помогавшие обрабатывать ценные фольклорные материалы (рис. 5).

Последний переезд Н. М. Элиаш совершила в 1953 г. в Старый Оскол. В этом городе она наконец получила собственное жилье, а ее работа в Учительском институте заслужила признание руководства. После реорганизации Учительского института новый Педагогический институт был переведен в 1957 г. в областной центр — в Белгород.

Н. М. Элиаш уже шел седьмой десяток, но она оставалась энергичной и работоспособной, как в молодые годы (рис. 6).

⁹³ Из частного письма Н. М. Элиаш от 01.04.1947 г. (из архива И. А. Черкас).

⁹⁴ Пушкарева-Козлова Елизавета Владимировна (1892—1975) — специалист в области зоологии, орнитологии. Жена и помощник известного путешественника по Средней и Восточной Азии Петра Кузьмича Козлова.

⁹⁵ Чичеров В., Элиаш Н. Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики // Советская этнография. 1949. № 3. С. 216—217.

Рис. 5. Сочи. 1951 г.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

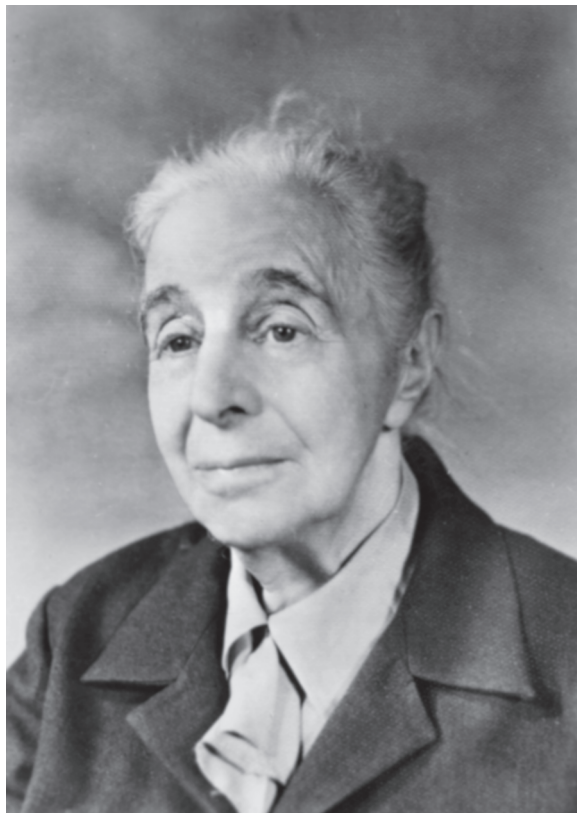

Рис. 6. Н. М. Элиаш. 1960-е гг.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

Студенты 1950—начала 1960-х гг. сохранили о ней теплые воспоминания: «Помню „неистовую“ Надежду Михайловну Элиаш, читавшую курс устного народного творчества. Нам было немножко смешно слушать ее восторги по поводу частушек. „Частушка, — говорила она, — это законченное произведение“ и находила в ней зачин, развитие действия, кульминацию и развязку. И ведь это действительно так. Несмотря на возраст, она ездила со студентами в фольклорные экспедиции, и я храню книгу „Народные песни Белгородской области“ с автографом Н. М. Элиаш».⁹⁶

⁹⁶ Из воспоминаний А. Белоусенко, выпускницы Белгородского гос. педагогического института 1963 г. См.: <http://www.bsu.edu.ru/Events/2006/2006-05-12Belousenko/>

Рис. 7. Н. М. Элиаш со студентами
Белгородского педагогического института.
Фотография из семейного архива И. А. Черкас.

Сама же Надежда Михайловна считала, что частушка как особый жанр народного творчества до сих пор недооценивается фольклористами, сетовала на то, что не ведется «широкое обстоятельное изучение этого актуального жанра», «никто из исследователей не дал анализа художественной формы советской частушки, не изучил поэтического языка, своеобразия лексики и синтаксиса».⁹⁷ Она всегда старалась поддержать и активизировать работу собирателей народного творчества, любителей-краеведов, постепенно накапливавших богатый фольклорный материал (рис. 7).

В Педагогическом институте при кафедре литературы с 1954 г. работал кружок по изучению устного народного творчества. Кафедрой были организованы собрание и изучение произведений фольклора Белгородской области. Активное участие в этой работе принимали студенты-заочники, записывавшие на местах ценные материалы. К собирательской работе примкнули сотрудники областного Дома народного творчества, хоровые коллективы народной самодеятельности. Делались магнитофонные записи, записывались и сравнивались тексты песен (некоторые из них восходили к XVIII в., причем оказывались в очень хорошей

⁹⁷ Белгородские частушки / Сост. П. Ф. Лебедев; Предисл. Н. М. Элиаш. Белгород, 1960. С. 4—5.

сохранности).⁹⁸ Собираателями было записано более 800 вариантов напевов. Собранные материалы были опубликованы в трех сборниках.⁹⁹ Записанные в 1950—1960-е гг. песни были распределены по разделам: семейно-бытовые, свадебные, лирические любовные песни, песни борьбы и побед (революционные, времен гражданской и Великой Отечественной войн), хороводные, уличные песни, частушки (в Доме народного творчества только фонд частушек насчитывал около 2000 текстов). Надежда Михайловна Элиаш принимала активное участие в собирательской и особенно исследовательской и публикаторской работе, видела важнейшую задачу в том, чтобы выявить и сохранить лучшие, наиболее ценные песенные материалы, дать обзор их тематики. Результатом этой деятельности стала и последняя публикация Н. М. Элиаш — исторический обзор народнопоэтического наследия Курско-Белгородского края в сборнике «Белгородщина литературная».¹⁰⁰

Особой исследовательской темой 1950—1960-х гг. для Надежды Михайловны стала работа по изучению свадебного обряда и поэтики свадебных жанров. Возможно, к этой теме ее подтолкнуло участие в пушкинодомском сборнике «Русское народное поэтическое творчество», для которого Н. М. Элиаш подготовила очерк о свадебной поэзии (рис. 8).¹⁰¹ Интерес к свадебной обрядовой песне, возникший еще в XVIII в., на протяжении XIX в. только возрастал. Надежда Михайловна Элиаш рассматривала русскую народную свадьбу как «сложный комплекс обрядовых действий и обрамляющих эти обряды произведений устного народного творчества: песен, причетей, приговоров, диалогов между участниками обряда».¹⁰² Изучая этапы обряда, поэтические образы, характерные для жениха и невесты, их друзей и подружек, сватов и родственников, используемые фольклорные жанры, автор делает вывод о видоизменении обряда на протяжении столетий и отмирании некоторых моментов во второй половине XIX в. Однако, несмотря на это, свадебный обряд сохранял националь-

⁹⁸ Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш. Воронеж, 1970. С. 3.

⁹⁹ Песни Белгородской области / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Н. М. Элиаш. Белгород, 1958; Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш, Л. Г. Улановская. Белгород, 1960; Народные песни Белгородской области / Сост. Н. М. Элиаш. Воронеж, 1970.

¹⁰⁰ Элиаш Н. М. Песенный край // Белгородщина литературная. Воронеж, 1979. Кн. 1. С. 11—20.

¹⁰¹ Элиаш Н. М. Свадебная поэзия // Русское народное поэтическое творчество. Т. 2, кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. М.; Л., 1955. С. 489—498.

¹⁰² Там же. С. 491.

Рис. 8. Конференция фольклористов в Пушкинском Доме. В верхнем ряду третья справа Н. М. Элиаш. Фотография из семейного альбома А. М. Астаховой.

ные традиции. Увлечшись новой для себя темой, Н. М. Элиаш занялась исследованием свадебной поэзии и подготовила ряд публикаций,¹⁰³ снискавших высокую оценку филологов и этнографов, назвавших его очень нужным опытом исследования свадебной песни и шагом вперед в изучении свадебной лирики.¹⁰⁴

Выйдя на пенсию, Надежда Михайловна продолжала работать со студентами и аспирантами, в городе и области ее знали как лектора, активного общественника, собирателя и популяризатора народного поэтического творчества Белгородщины.¹⁰⁵ Она была одним из делегатов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, проходившего в Москве в августе 1964 г. Своими впечатлениями после этого форума Н. М. Элиаш поделилась с белгородцами на страницах местной газеты, где дала обзор докладов, прозвучавших на фольклорной секции.¹⁰⁶

В 1968 г. к 80-летнему юбилею Н. М. Элиаш в Белгородском педагогическом институте была подготовлена большая программа чествования старейшего преподавателя вуза: передача на радио в серии «Клуб интересных встреч», где главной героиней стала сама фольклористка, юбилейная статья в институтской газете, праздничный концерт. Надежда Михайловна получила многочисленные адреса, телеграммы, поздравления — от коллег, друзей, учеников и даже (что особенно ее растрогало) от бывших учениц вернинской гимназии, которых она учила 59 лет назад.¹⁰⁷ Сама героиня юбилея была полна планов — готовила группу фольклористов к очередной экспедиции, собиралась на конференции в Москву, Суздаль, Орел.

¹⁰³ См.: *Элиаш Н. М.* 1) Свадебные, величальные и корильные песни // Учен. зап. Старо-Оскольского госпединститута. 1957. Вып. 1. С. 21—38; 2) Историко-этнографические истоки тематики и образов русских свадебных песен // Учен. зап. Белгородского госпединститута. Белгород, 1959. Т. 2. С. 267—302; 3) Истоки обряда и песен русской народной свадьбы // Учен. зап. Орловского госпедуниверситета. Т. 30: Вопросы истории литературы и фольклора. Орел, 1966. С. 281—315; 4) Русские свадебные песни: Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1966.

¹⁰⁴ *Чередниченко М.* [Рец. на кн.: Элиаш Н. М. Русские свадебные песни: Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1966] // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. Т. 12. С. 293.

¹⁰⁵ *Оводенко В.* Если сердце молодо // Просвещенец (газета Белгородск. гос. пед. ин-та им. М. С. Ольминского). 1968. 31 мая. № 20 (38).

¹⁰⁶ *Элиаш Н.* Большой совет ученых мира: Заметка участника VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук // Белгородская правда. 1964. 26 авг. № 200.

¹⁰⁷ РО ИРЛИ, ф. 724, оп. 1, д. 392, л. 24—24 об. (Письмо Н. М. Элиаш к А. М. Астаховой от 16. 07.1968 г.).

Она дала самую точную и емкую характеристику самой себе: «Неугомонная, энергичная, боевая, старая педагогичка, полная страстной любви к молодежи, к любимым поэтам, к нашим дивным чудесным песням».¹⁰⁸

Надежда Михайловна Элиаш прожила насыщенную творческую жизнь. Она умерла 1 декабря 1974 г.

¹⁰⁸ Там же, л. 27 об.